

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343

DOI 10.17223/23088451/11/2

О.И. Андреева, В.Н. Григорьев, О.А. Зайцев, Т.В. Трубникова

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: СОЗДАНЫ ЛИ ДОСТАТОЧНЫЕ ГАРАНТИИ ОТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ?

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ, проект № 16-03-00413.

Проблема необходимости стадии возбуждения уголовного дела рассмотрена в статье с позиции вопроса о том, решает ли стадия возбуждения уголовного дела в своем нынешнем виде стоящие перед ней задачи. Сделан вывод о том, что первоначальный этап уголовного судопроизводства нуждается не в точечных изменениях, а в продуманной и системной реформе. Гражданскому обществу, законодателю должна быть предложена система сдержек и противовесов при начале уголовного преследования.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, злоупотребление дискреционными полномочиями, злоупотребление правом.

В течение длительного времени актуальным как для теории, так и для практики является вопрос о системе уголовного процесса, его стадиях [1, с. 166–170], в том числе о стадии возбуждения уголовного дела, ее необходимости и содержании, способности обеспечить защиту прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства [2, 3].

Неоднократно в нормы, регламентирующие порядок проверки основания к возбуждению уголовного дела, вносились изменения и дополнения. Наиболее значимые изменения, касающиеся содержания этапа возбуждения уголовного дела, его субъектов, их правового положения, были внесены в 2013 г.

Эти новеллы неоднозначно были восприняты юридическим сообществом, занимающимся проблемами уголовного-процессуального права. Так, В.А. Азаров положительно воспринял изменения порядка проверки основания возбуждения уголовного дела, указав, что «сегодняшняя система процессуальных средств оптимальная» [4, с. 15]. В то же время Л.М. Володина отметила необходимость отказаться от стадии возбуждения уголовного дела [5, с. 15]. Не обошел этот проблемный вопрос и М.К. Свиридов, полагающий, что порядок проверки основания к возбуждению уголовного дела нуждается в четком урегулировании [3, с. 67].

Вопрос о необходимости стадии возбуждения уголовного дела и процессуальных средствах проверки основания для начала уголовного преследования лица имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Как совершенно правильно отмечает М.К. Свиридов, определить, нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса, можно, выяснив, есть ли у данной стадии своя самостоятельная задача, каково ее содержание и возможно ли ее выполнение совокупностью средств другой стадии [3, с. 62].

Выделение самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела (УПК РСФСР 1960 г.) было вызвано необходимостью усиления правовой защищенности личности, попавшей в сферу уголовного процесса на

первоначальном этапе уголовного судопроизводства, где законное и обоснованное решение о возбуждении уголовного дела не только формировало у населения представление о новых средствах борьбы с преступностью, но и служило правовым основанием для применения предусмотренных законом мер процессуального принуждения и производства следственных действий (исключение – осмотр места происшествия) [6, с. 22]. Для этого периода были характерны усиление прокурорского надзора и практическое отсутствие судебного контроля на начальном этапе реагирования государственными органами и должностными лицами на сообщение о совершенном преступлении. И в этих условиях наличие стадии возбуждения уголовного дела было обоснованным.

Выделение стадии возбуждения уголовного дела объяснялось и в настоящее время объясняется необходимостью:

- быстрого реагирования на информацию, содержащую данные о признаках преступления, максимальной фиксации этих данных, созданием условий для эффективного расследования и разрешения дела в суде;
- осуществления правозащитной функции. Как правильно отмечается в научной литературе, уголовный процесс «сильно насыщен властью, возможностью глубокого вторжения в личную жизнь вовлекаемых в уголовный процесс людей, применением к людям насилия», как следствие еще до производства следственных действий должны быть установлены необходимость и обоснованность (правомерность) их применения [3, с. 63].

Кроме того, стадия возбуждения уголовного дела может рассматриваться в качестве гарантий от произвола со стороны уполномоченных должностных лиц, от злоупотребления ими своими дискреционными полномочиями при принятии решения, завершающего данную стадию, а также от злоупотребления своими субъективными правами со стороны частных лиц, пытающихся добиться возбуждения уголовного дела без

наличия к тому оснований (т.е. от попыток использовать уголовно-процессуальный механизм не по назначению).

Некоторые авторы полагают, что «стадия возбуждения уголовного дела никогда не была гарантией, сколько-нибудь сдерживающей беззаконие и произвол в уголовном судопроизводстве. Напротив, нередко именно возбужденное уголовное дело в силу амбициозных представлений о его перспективе с легкой руки иных должностных лиц доводилось во что бы то ни стало до «логического конца», понимаемого как непереносимое постановление обвинительного приговора» [5, с. 6–7]. В этой связи представляется необходимым вновь рассмотреть вопрос о том, решает ли стадия возбуждения уголовного дела в своем нынешнем виде стоящие перед ней задачи.

На основании требований УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, прокурор обязаны принять, проверить любое сообщение о совершенном или готовящемся преступлении (ст. 144 УПК РФ) и принять по нему решение (ст. 145 УПК РФ). Соответственно любой человек вправе обратиться в любой правоохранительный орган к уполномоченному должностному лицу с заявлением о совершенном или готовящемся преступлении. Причем подследственность органов, компетенция должностных лиц не должны являться основанием отказа в приеме сообщения. Должностные лица обязаны принять любое сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, зарегистрировать его и принять меры, направленные на обнаружение признаков преступления, сохранение и фиксацию следов преступления, а также доказательств, требующих закрепления, изъятия, исследования и проведение розыскных и оперативно-розыскных мероприятий по установлению и задержанию с поличным или «по горячим следам» лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление. Вместе с тем анализ статистических данных практики приема, регистрации и разрешения сообщений о совершении деяния, содержащего признаки преступления, свидетельствует о том, что уже на этом этапе происходит злоупотребление правомочиями со стороны должностных лиц, нарушаются права и законные интересы заявителей, в том числе лиц, пострадавших от совершения преступления. Отмечается ежегодное увеличение количества выявленных нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях: в 2012 г. – 3 428 095, в 2013 г. – 3 489 553, в 2014 г. – 3 605 162, в 2015 г. – 3 732 360, в 2016 г. – 3 778 533 случая¹. На это негативное явление обратил внимание и Генеральный прокурор Российской Федерации в своем докладе на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 27 апреля 2016 г.², пояснив, что речь в основном идет о сокрытии преступлений, совершенных в условиях неочевидности, подчеркнув, что «их сокрытие мы не можем не связывать со стремлением некоторых руководителей искусственно повысить пресловутый показатель раскрываемости». Как следствие, задача быстрого реагирования на информа-

цию, содержащую данные о признаках преступления, максимальной фиксации этих данных, не решается. Между тем быстрая реакция государственных органов, заключающаяся в принятии, проверке и разрешении сообщений о готовящемся или совершенном преступлении, является существенной для поддержания доверия общества к правовому государству и для предупреждения различных проявлений терпимости к неправомерным действиям должностных лиц. Как верно заметила Г.П. Химичева, «непринятие надлежащих мер по каждому сигналу о преступлении существенно нарушает права граждан, ущемляет интересы общества, подрывает авторитет государства, создает впечатление о профессиональной некомпетентности работников правоохранительных органов» [7], о злоупотреблении ими своими полномочиями.

В настоящее время расширены познавательные средства на этапе проверки оснований для возбуждения уголовного дела. При проверке сообщения о преступлении уполномоченное должностное лицо вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследования документов, предметов, трупов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ст. 144 УПК РФ). Это дало основание говорить о том, что стадия возбуждения уголовного дела потеряла свое предназначение, фактически превратившись «в квази-расследование до предварительного расследования» [8, с. 235]. В то же время законодатель на этапе доследственной проверки разрешил производство таких действий, процессуальная форма осуществления которых законом не предусмотрена, что не обеспечивает эффективную защиту прав лиц, в отношении которых они проводятся. Как следствие, материалы, полученные на стадии возбуждения уголовного дела, как правило, подлежат проверке в ходе предварительного расследования (получение объяснений – допрос, исследование – производство экспертизы, изъятие – выемка), что не только ведет к дублированию в деятельности органов, осуществляющих проверку наличия оснований для возбуждения уголовного дела и предварительное расследование, увеличивает сроки досудебного производства в целом [9, с. 133], но и снижает, зачастую, гарантии достоверности полученных таким образом доказательств. Подобное положение объясняется тем, что стадия возбуждения уголовного дела остается, с одной стороны, начальной стадией уголовного процесса, а с другой – по замыслу законодателя – находится за рамками уголовно-процессуальной формы.

УПК РФ предусматривает сроки проверки сообщения о преступлении: трое, десять и тридцать суток (ч. 1, 3 ст. 144). Между тем эти сроки сопоставимы со сроком дознания – тридцать суток (ст. 223 УПК РФ) и сроком предварительного расследования – два месяца (ст. 162 УПК РФ). На практике встречаются и более

¹ Основные результаты прокурорской деятельности.

² <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1078221/>

длительные сроки проверки, часто превышающие установленные законом. Как следствие, предварительное расследование оказывается отдаленным от момента совершения преступления значительным временем. Анализ практики показывает, что длительность проверки заявлений и сообщений о преступлении объясняется в значительном количестве случаев тем, что правоприменители на этой стадии, исходя из необходимости установления наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела и данных, препятствующих возбуждению уголовного дела, пытаются установить как можно больше фактических данных о происшествии. Как верно отмечается в литературе, «основная часть предмета познания первой стадии – установление основания как совокупности признаков преступления – практически совпадает с предметом познания следующей стадии – расследования, которая к тому же обладает мощными средствами познания» [3, с. 62]. Под достаточными данными, указывающими на признаки преступления, должностные лица понимают такие, которые достоверно свидетельствуют обо всех элементах состава преступления. Причем речь идет не только о преступном деянии, что объясняется необходимостью квалификации деяния, но также и о лице, его совершившем, или о реальной возможности изобличения его в ходе предварительного расследования, т.е. о судебной перспективе. Между тем неясная на этом этапе перспектива в установлении лица, совершившего преступление, и привлечении его к уголовной ответственности приводит, в определенных случаях, к злоупотреблениям полномочиями со стороны должностных лиц: либо к отказу под различными предлогами в принятии заявления, либо к отказу в возбуждении уголовного дела и, как следствие, не способствует доступу граждан к правосудию, к защите их прав и законных интересов.

Отмечается увеличение удельного веса отмененных в результате осуществления прокурорского надзора и ведомственного контроля незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с последующим после проведенной дополнительной проверки возбуждением уголовного дела. Согласно данным официальной статистики, в Российской Федерации количество отмененных прокурором и по его инициативе постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела составило в 2012 г. – 2 585 732, в 2013 г. – 2 575 024, в 2014 г. – 2 518 508, в 2015 г. – 2 516 501, в 2016 г. – 2 494 172, в 2017 г. – 2 381 432 случая³. При этом возбуждено уголовных дел по результатам отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в 2016 г. – 183 646, в 2017 – 176 992 случая⁴. Между тем вынесение незаконных, необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела не способствует защите прав и законных интересов граждан. Отмечается ежегодный рост количества граждан, обратившихся в органы прокуратуры с жалобой на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания и следователя при принятии, регистрации и рассмотрении сообщения о преступлении,

что составило в 2012 г. – 333 032, в 2013 г. – 352 586, в 2014 г. – 362 072, в 2015 г. – 397 616, в 2016 г. – 405 317, в 2017 г. – 415 575 случаев⁵. Между тем прокурорский надзор и судебный контроль за законностью и обоснованностью деятельности при принятии, регистрации и рассмотрении сообщения о преступлении, при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела не всегда оказывается эффективным. Так, например, по одному из изученных нами уголовных дел постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела по факту злоупотребления полномочиями сотрудниками УФСН (в отношении К., получившего серьезные телесные повреждения в ходе задержания) отменялось прокурором 4 раза, однако каждый раз после отмены следователь выносил аналогичное постановление, никак не устранив указанные прокурором проблемы. В конечном итоге, жалоба К. на все то же постановление об отказе в возбуждении уголовного дела не была удовлетворена судом, несмотря на наличие установленного факта появления у заявителя после задержания отсутствовавших до этого телесных повреждений и отсутствие данных об оказании им сопротивления при задержании⁶. В настоящее время жалоба К. на нарушение в отношении него ст. 3 Конвенции находится на рассмотрении ЕСПЧ и коммуницирована властям РФ (жалоба № 63421/16).

И напротив, в литературе приводятся факты отмены руководителем следственного органа постановлений о возбуждении уголовного дела по мотиву того, что «в ходе проведения проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ следователем не получены сведения и не установлены обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, предусмотренные ст. 73 УПК РФ» [10, с. 16]. Следует отметить, что такая постановка задачи во многом предопределяется методикой оценки качества работы указанных должностных лиц. Например, как нарушения в работе органов и должностных лиц, возбуждивших уголовное дело, осуществляющих предварительное расследование, расценивается прекращение впоследствии уголовного преследования, что отражено, в том числе, в упомянутом докладе Генерального прокурора Российской Федерации. Между тем еще в Концепции судебной реформы РСФСР отмечалось, что «прекращение дел органами расследования должно рассматриваться как нормальный (один из возможных) результат, соответствующий задачам установления истины по делу. Тогда исчезнут необходимость внепроцессуальными способами до возбуждения дела выяснять, имеет ли оно “судебную перспективу”, а также и стремление любой ценой добиваться передачи его в суд»⁷. Кроме того, распространены случаи отказа в возбуждении уголовного дела в связи с невозможностью, например, в «установленный законом срок истребовать справку об ущербе», «в установленный законом срок истребовать доверенности на

⁵ <http://genproc.gov.ru/stat/data/>

⁶ Архив Кировского районного суда г. Томска. Уголовное дело 1-17/2016.

⁷ Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

³ <http://genproc.gov.ru/stat/data/>

⁴ <http://genproc.gov.ru/stat/data/>

представление интересов», «не готово заключение лингвистического исследования», «не опрошены очевидцы» и др.

Как уже было указано выше, напротив, заявители иногда, подавая заявление о возбуждении уголовного дела, пытаются использовать уголовно-процессуальный механизм не по назначению. Так, изучая практику Конституционного Суда РФ, мы обнаружили ситуацию, когда заявитель подал заявление о возбуждении уголовного дела в отношении себя самого по факту клеветы им на судью, для того, чтобы доставить судье и аппарату суда максимум неудобства (требуя получения объяснений от судьи и сотрудников аппарата суда в связи с подачей такого заявления)⁸. Стадия возбуждения уголовного дела не всегда срабатывает как достаточный «заслон» от такого рода злоупотреблений. Так, было возбуждено уголовное дело по факту хищения Е. у Д. автомобиля на основании поданного Д. заявления, несмотря на то, что законность и добросовестность владения Е. данным автомобилем уже была подтверждена решением суда, вступившим в законную силу⁹. И напротив, встречаются ситуации, когда добросовестный заявитель не только не смог добиться возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления (в отношении него или иных лиц, государства), но и «получил» в итоге постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении него самого по факту заведомо ложного доноса. Сведения о таких заявителях в этом случае попадают в соответствующие учеты, что имеет для этих лиц негативные социальные последствия (невозможность быть принятым на определенную работу и др.).

Все эти доводы позволяют прийти к выводу о том, что первоначальный этап реагирования уполномоченными на то должностными лицами и органами нуждается не в точечных изменениях, а в продуманной и системной реформе.

Однако в нескончаемом и, на наш взгляд, пока не очень конструктивном споре о том, нужна ли стадия возбуждения уголовного дела, или ее надо ликвидировать, мы видим методологическую ошибку в самой постановке вопроса. В этом отношении более привлекательной представляется позиция М.К. Свиридова, которая сколь мудра, столь же отличается от взглядов своих более юных оппонентов своей «научной свежестью»: надо не со стадией определяться, а с решением задач на том этапе деятельности, когда уже есть сведения об общественно неадекватном событии и надо определить, в каком режиме с ним разбираться – в уголовном, административном, оперативном или оно того вообще не заслуживает. Прав уважаемый профессор, что «основным назначением стадии возбуждения уголовного дела является пресечение возможности применения вмешательства в личную жизнь граждан при отсутствии такой необходимости и разрешение вмеша-

тельства, если без него в данной конфликтной ситуации не обойтись» [3, с. 64].

Проведенные исследования позволяют выделить для научного наблюдения два характерных варианта начала уголовного преследования: российский с его обставленностью рядом условий (наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, доказанность этих данных, достаточность их документального оформления и т.д.) и, например, хорошо уже известный российской юридической общественности украинский, не обремененный необходимостью соблюдения подобных условий. Возникает вопрос, какой из этих вариантов выбрать: какой из них хороший, а какой – плохой? Что предпочесть?

На наш взгляд, сама такая постановка вопроса о необходимости выбора «легкого» или «обставленного» варианта начала уголовного преследования не совсем корректна. Все зависит от назначения и условий его применения, адекватности его сложившейся ситуации. Если общество захлестнула волна вздорных жалоб, клеветнических анонимок, а возбуждение уголовного производства стало прибыльным бизнесом для оборотистых сотрудников правоохранительных органов и удобным рычагом воздействия на оппонентов со стороны власть предержащих, – более приемлема российская модель. Если же гражданское общество нуждается в раскрепощении, правоохранительные органы бездействуют и доступ к правосудию становится реальной потребностью как альтернатива косной, zaangażированной правоохранительной системе, – выбор должен быть сделан в пользу украинской модели.

Однако следует заметить, что в условиях современной ситуации, для которой характерны процессы взаимопроникновения, всемирной глобализации, однозначные, крайние, «стерильные» варианты неуместны. В каждом обществе можно обнаружить все элементы, все проблемы, на которых основывается и одна, и другая модель. Поэтому мудрость заключается не в том, чтобы выбрать одну из этих моделей, а в оптимальном сочетании различных элементов и одной, и другой, с преобладанием каких-то из них в зависимости от конкретной ситуации и гибким, подвижным механизмом изменения их соотношения в зависимости от изменения этой ситуации. Гражданскому обществу, законодательно должна быть предложена система сдержек и противовесов при начале уголовного преследования [11, с. 392–406].

В связи со сказанным возникает необходимость в смене научной задачи: вместо традиционного подхода, в рамках которого обсуждается необходимость самой стадии возбуждения уголовного дела и вопросы о допустимости тех или иных следственных действий на этом этапе, разрабатывать следует систему сдержек и противовесов, определяющую допустимый барьер для начала уголовного преследования, факторы подвижности этой системы и организационно-правовой механизм реализации этой подвижности. Такой подход может повлечь размывание границ стадии возбуждения уголовного дела, однако он в большей мере отвечает задачам поиска адекватной современным потребностям гражданского общества модели начала уголовного преследования.

⁸ Архив Конституционного Суда РФ, материалы по жалобе гражданина Кошевого С.Ю. (Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 № 257-О).

⁹ Архив Конституционного Суда РФ, материалы по жалобе гражданина Елпаева Ю.С. (Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 № 256-О).

В свете сказанного справедливо утверждение почетного М.К. Свиридова о том, что «законодатель должен более четко урегулировать порядок проверки основания к возбуждению уголовного дела, действуя не произвольно, в интересах того или иного ведомства,

либо исходя из сложившейся в данный момент обстановки, а с учетом выработанных критериев, которые позволят определить, какие следственные действия можно включать в стадию возбуждения уголовного дела, а какие недопустимо» [3, с. 67].

ЛИТЕРАТУРА

1. Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства // Избранные труды. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2011. С. 143–282.
2. Володина Л.М. Новые проблемы возбуждения уголовного дела // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России : межвуз. сб. науч. тр. Уфа : БашГУ, 2003. URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/ufa20033/11.htm> (дата обращения: 13.05.2018).
3. Свиридов М.К. Содержание стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20). С. 61–68.
4. Азаров В.А. Целесообразно ли наличие в отечественном уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела? // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 13–17.
5. Володина Л.М. Проблемы регламентации возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2013. № 4. С. 5–11.
6. Максимов П.В. Концепция возбуждения уголовного преследования по российскому уголовно-процессуальному законодательству XI–XX вв. (историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов, 2005. 30 с.
7. Химичева Г.П. Возбуждение уголовного дела: проблемы правовой регламентации и совершенствования деятельности // Черные дыры в Российском законодательстве. 2003. № 2. URL: www.optim.su/bh/default.asp (дата обращения: 13.05.2018).
8. Чекулаев Д.П. Стадия возбуждения уголовного дела на постсоветском пространстве // Правовые проблемы укрепления государственности : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Ч. 63. С. 230–235.
9. Зайцев О.А., Джагаев У.Ф. К вопросу о свидетельствовании в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 133–136.
10. Анисимов Г.Г. Отмена постановления о возбуждении уголовного дела руководителем следственного органа // Законность. 2012. № 1. С. 16–18.
11. Григорьев В.Н., Зинченко И.А., Победкин А.В. и др. Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. 575 с.

THE STAGE OF A CRIMINAL CASE INITIATION: ARE THERE SUFFICIENT GUARANTEES FROM ABUSE OF RIGHT?

Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 9–14. DOI 10.17223/23088451/11(1)/2

Olga I. Andreeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreevaoi_70@mail.ru

Viktor N. Grigoriev, All-Russian Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

Oleg A. Zaytsev, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: oleg010663@mail.ru

Tatyana V. Trubnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: trubn@mail.ru

Keywords: initiation of criminal case, abuse of discretion, abuse of right.

The article discusses the need for the stage of initiating a criminal case, its content, the ability to ensure the protection of the rights and legitimate interests of persons involved in criminal proceedings, to prevent abuse of the right.

The tasks of the stage of a criminal case initiation are determined. The question of whether the current legal regulation of this stage allows solving the tasks it faces is considered. It is substantiated that the task of a rapid response to information containing data on the elements of a crime and the maximum fixation of these data is not currently solved. The legal means available within this stage allow one to speak of turning it into a “quasi-investigation”, on the one hand. At the same time, the materials received at this stage are usually subject to verification during the preliminary investigation, which leads to duplication in the activities of bodies that verify the existence of grounds for initiating a criminal case and conduct preliminary investigation, increases the time for pre-trial proceedings as a whole, and reduces the guarantee of the reliability of the evidence thus obtained. At this stage, attempts to reliably establish all the elements of the offense, persons who committed it, to be certain in the real possibility of convicting them during the preliminary investigation, i.e. in the judicial perspective, lead to abuse of power by officials: either to a denial in the acceptance of a statement under various pretexts, or to a refusal to initiate a criminal case, which, as a consequence, does not contribute to the access of citizens to justice, to the protection of their rights and legitimate interests. On the contrary, the stage of initiation of a criminal case does not always work as a sufficient “screen” against abuses by the applicant party that tries to use the criminal procedure mechanism for solving some self-serving tasks rather than for its purpose. In this connection, the need to change the scientific problem is argued: instead of the traditional approach, which discusses the need for the very stage of initiating a criminal case and questions about the admissibility of certain investigative actions at this stage, it is proposed to develop a system of checks and balances that defines an acceptable barrier for the initiation of criminal persecution, the mobility factors of this system and the organisational and legal mechanism for implementing this mobility.

REFERENCES

1. Yakimovich, Yu.K. (2011) *Izbrannye trudy* [Selected works]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press. pp. 143–282.
2. Volodina, L.M. (2003) *Novye problemy vozbuzhdeniya ugovolnogo dela* [New problems of initiating a criminal case]. In: Enikeev, Z.D. (ed.) *Aktual'nye voprosy ugovolnogo protsesssa sovremennoy Rossii* [Topical issues of the criminal procedure in modern Rus-

- sia]. Ufa: Bashkir State University. [Online] Available from: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/ufa20033/11.htm>. (Accessed: 13.05.2018).
3. Sviridov, M.K. (2016) The content of the stage of instituting criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2 (20). pp. 61–68. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/20/8
 4. Azarov, V.A. (2014) Is the stage of criminal case initiation necessary in the Russian criminal procedure? *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2 (4). pp. 13–17. (In Russian).
 5. Volodina, L.M. (2013) Problemy reglamentatsii возбуждения уголовного дела [Problems of the regulation of the criminal case initiation]. *Biblioteka kriminalista*. 4. pp. 5–11.
 6. Maksimov, P.V. (2005) *Kontsepsiya возбуждения уголовного преследования по российскому уголовно-процессуальному законодательству XI–XX vv. (istoriko-pravovoe issledovanie)* [The concept of instituting criminal prosecution under the Russian criminal procedural legislation of the 11th–20th centuries. (historical and legal study)]. Abstract of Law Cand. Diss. Rostov.
 7. Khimicheva, G.P. (2003) Возбуждение уголовного дела: проблемы правовой регламентации и совершенствования деятельности [The initiation of a criminal case: the problems of legal regulation and improvement of activities]. *Chernye дыры в Российском законодательстве*. 2. [Online] Available from: www.optim.su/bh/default.asp. (Accessed: 13.05.2018).
 8. Chekulaev, D.P. (2013) Stadiya возбуждения уголовного дела na postsovetском prostranstve [Stage of the criminal case initiation in the post-Soviet space]. In: Osokina, G.L. et al. *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 63. Tomsk: Tomsk State University. pp. 230–235.
 9. Zaytsev, O.A. & Dzhagaev, U.F. (2013) K voprosu o svidetel'stvovanii v уголовном sudoproizvodstve [On the issue of witnessing in criminal proceedings]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 2 (44). pp. 133–136.
 10. Anisimov, G.G. (2012) Otmena postanovleniya o возбуждении уголовного дела rukovoditelem sledstvennogo organa [Cancellation of the decision to initiate a criminal case by the head of the investigative body]. *Zakonnost'*. 1. pp. 16–18.
 11. Tomin, V.T. & Zinchenko, I.A. (eds) (2014) *Ugolovnyy protsess sovremennoy Rossii. Problemnye leksii* [Criminal procedure of modern Russia. Problem Lectures]. 2nd ed. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt.